

УДК 1:316.028

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЭПИКУРЕЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕЛИ В КОНТЕКСТЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ: ОТ АНТИЧНОГО ПОЛИСА К СОВРЕМЕННОМУ ГЛОБАЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ

М. В. Нетесова

Отделение социально-гуманитарных наук Школы общественных наук
Томского политехнического университета (г. Томск)
netesova@tpu.ru

Аннотация. Цель исследования заключается в переосмыслении наследия Эпикура как модели микросоциальной организации, значимой для патриотического воспитания будущих поколений в социально-философском ключе. Новизна работы состоит в трактовке эпикурейских малых сообществ как посредников между личностью и обществом, формирующих доверие, солидарность и ответственное участие. Патриотическое воспитание в данном контексте осмысливается как становление ответственного субъекта культуры, связанного с языком, исторической памятью, родным местом, семейными и локальными традициями. Продemonстрировано, что ключевые ценности эпикурейской модели могут реализовываться через образовательные проекты, изучение истории родного края, сохранение семейной памяти, волонтерство, межпоколенческий диалог и создание цифровых архивов.

Ключевые слова: эпикуреизм, «сад» Эпикура, малые сообщества, патриотическое воспитание, цифровая субъективность, культурная память.

Для цитирования: Нетесова, М. В. (2026). Актуализация эпикурейской социальной модели в контексте патриотического воспитания будущих поколений: от античного полиса к современному глобальному обществу. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 3. С. 38-53. DOI: 10.47850/RL.2026.7.3.38-53.

ACTUALIZATION OF THE EPICUREAN SOCIAL MODEL IN THE CONTEXT OF PATRIOTIC EDUCATION OF FUTURE GENERATIONS: FROM THE ANCIENT POLIS TO MODERN GLOBAL SOCIETY

M. V. Netesova

Department of Social Sciences and Humanities, School of Social Sciences
Tomsk Polytechnic University (Tomsk)
netesova@tpu.ru

Abstract. The purpose of the paper is to identify a socio-philosophical reinterpretation of Epicurus' legacy as a model of microsocial organization relevant to the patriotic education of future generations. The novelty of the work lies in the interpretation of Epicurean small communities as mediators between the individual and society, fostering trust, solidarity, and responsible participation. In this context, patriotic education is understood as the formation of responsible subject of culture connected with language, historical memory, native place, family and local traditions. It is demonstrated that the key values of the Epicurean model can be implemented through educational projects, the study of local history, the preservation of family memory, volunteering, intergenerational dialogue, and the creation of digital archives.

Keywords: Epicureanism, Epicurus' "Garden", small communities, patriotic education, digital subjectivity, cultural memory.

For citation: Netesova, M. V. (2026). Actualization of the Epicurean Social Model in the Context of Patriotic Education of Future Generations: From the Ancient Polis to Modern Global Society. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 3. Pp. 38-53. DOI: 10.47850/RL.2026.7.3.38-53.

Введение

Актуальность исследования эпикуреизма в социально-философской перспективе определяется тем, что учение Эпикура представляет собой не только одну из значимых этических систем эллинистической эпохи, но и устойчивую модель осмысления человеческого существования в условиях кризиса традиционных форм социальности, трансформации современных форм человеческого общения, воспитания и ценностной самоидентификации.

Особую значимость в данном контексте приобретает образ «Сада» Эпикура как малой ценностной общности, а историческая судьба эпикуреизма позволяет рассматривать его не только как одну из школ эллинистической философии, но и как длительную традицию размышления о человеке, счастье, обществе и формах устойчивого существования.

В современную эпоху, характеризующуюся цифровизацией, информационной перегрузкой, ускорением социальных процессов, фрагментацией коммуникации, ростом тревожности и ослаблением устойчивых форм принадлежности, идеи эпикуреизма приобретают новую актуальность, особенно в контексте патриотического воспитания. Если понимать патриотизм не как формальное усвоение декларативных установок, а как систему ценностных отношений к культуре, языку, исторической памяти, родному месту, природе, труду, семье, образовательной традиции и будущему общества, то модель «Сада» Эпикура как малой общности может быть рассмотрена как продуктивный философско-педагогический ресурс, где акцент с массового информационного воздействия смещен на живую передачу ценностей в малых социальных пространствах: семье, школьном классе, студенческой группе, кружке, волонтерском объединении, исследовательском проекте, творческом коллективе или цифровом образовательном сообществе.

Цель исследования состоит в социально-философском анализе эпикуреизма как учения, прошедшего путь от античного полиса через римскую рецепцию к средневековому переосмыслению, а также в выявлении его актуального потенциала для осмысления современного «текущего» цифрового общества и патриотического воспитания будущих поколений.

Для достижения поставленной цели предлагается рассмотреть социально-исторический контекст возникновения эпикуреизма в античном полисе и показать, каким образом учение Эпикура выступило альтернативой классическим моделям политической вовлеченности; проанализировать образ эпикурейского «Сада» как модели малой ценностной общности, раскрыть значение ключевых принципов этики эпикуреизма – атараксии, апонии, тетрафармакона, разумной классификации желаний, умеренности и дружбы – применительно к условиям современного цифрового общества; обосновать возможность интерпретации модели эпикуреизма малых сообществ как философско-педагогического ресурса патриотического воспитания в цифровую эпоху.

Методологическую основу исследования составляют социально-философский, историко-философский, герменевтический, сравнительно-аналитический и аксиологический подходы. Научная новизна исследования заключается в том, что эпикуреизм рассматривается не только как этика индивидуального счастья и освобождения от страха, но и как социально-философская модель малой ценностной общности, обладающая актуальным потенциалом для анализа современных цифровых форм коммуникации, практик саморегуляции и патриотического воспитания.

Социальная реальность Эпикура: от античного полиса до римского мира и средневековья

В античном полисе, прежде всего в Афинах, эпикуреизм вырастает как сознательный отказ от той формы общественной вовлеченности, которую классическая греческая мысль считала почти естественной судьбой свободного человека. Если для Платона идеальное государство было высшей формой устроенного разума, а для Аристотеля полития выражала саму природу человека как существа общественного, то для Эпикура именно политическая жизнь становилась одним из важных источников беспокойства, страха, соперничества и внутреннего распада. Таким образом, его призыв *lathe biosas* – «живи незаметно» [Лукреций Кар, 1947, с. 600] – следует понимать не как банальное бегство от мира, а как некий глубокий философский жест: человек должен освободить свою жизнь от ложных величин, от жажды признания, власти и славы, которые кажутся значительными лишь до тех пор, пока душа не научилась различать необходимое и пустое. В этом смысле Сад Эпикура предстает не просто частным кружком единомышленников, а своеобразным микрокосмом идеального человеческого общежития – небольшим сообществом из 30–40 чел., объединенных дружбой, умеренностью и общим стремлением к безмятежности. Здесь особенно важно, что эпикурейское удовольствие мыслится не как бурное накопление впечатлений, не как движение от нехватки к излишеству, а как состояние покоя, полноты и отсутствия страдания: простая пища, тихая беседа, взаимное доверие, освобожденность от страха перед будущим ценятся выше роскоши, богатства и чувственной погони за новым. Именно поэтому статичные удовольствия оказываются философски выше кинетичных: не вспышка наслаждения делает жизнь счастливой, а устойчивая ясность существования, в которой человеку уже ничего лишнего не нужно. На этом фоне модель общества Эпикура резко контрастирует с платоновским и аристотелевским представлением о приоритете общего блага, которому индивид должен соотнобразовывать свою жизнь. У Эпикура социальная реальность не обладает самостоятельной священной ценностью: она оправдана лишь постольку, поскольку служит атараксии, т. е. душевной невозмутимости. Дружба необходима, потому что защищает человека от одиночества, уязвимости и страха, но политический полис с его судами, партиями, честолюбием и публичной борьбой должен быть по возможности устранен из горизонта повседневной жизни, как об этом ясно говорит и Лукреций [Themelis, Friar, 1973, pp. 442-453]. В этой позиции есть не только этическая осторожность, но и особая философия меры: человек не обязан растворяться в истории, чтобы жить истинно; напротив, иногда истина жизни открывается именно там, где шум общего мира перестает диктовать душе свои ложные цели, и именно Эпикур как будто впервые радикально ставит вопрос о том, не является ли спасение человека делом не великого государства, а правильно устроенной внутренней жизни и круга близких, где свобода измеряется не властью над другими, а независимостью от ненужного.

Опираясь на все вышесказанное, исходный замысел Эпикура был строго терапевтическим: философия нужна не ради отвлеченного созерцания, а ради освобождения человека от страха перед богами, смертью и бесплодными желаниями. В «Письме к Менекею» Эпикур прямо связывает благо не с наслаждением как безудержным чувственным опытом, а с отсутствием телесной боли и душевного смятения [Лукреций Кар, 1947, с. 600]. В этом смысле эпикуреизм представляет собой этику меры и внутреннего покоя, а не примитивный гедонизм, каким его часто изображали поздние критики [Эпикур, 2024].

В римском мире эпикуреизм оказался особенно значимым, потому что римская интеллектуальная среда высоко ценила практическую пользу философии и разного рода философских направлений. Здесь учение Эпикура было усвоено прежде всего как философия частной жизни и духовной автономии. Лукреций в «О природе вещей» превращает физику Эпикура в грандиозный поэтический проект, где объяснение природы служит моральной цели: освободить человека от религиозного страха и представить космос как порядок, который не нуждается в божественном произволе [Эпикур, 1983, с. 318]. Именно у Лукреция эпикуреизм становится не только школой, но и формой философского просвещения.

Иными словами, римская рецепция эпикуреизма происходит в полемике с двумя другими моделями жизни: стоической и традиционно-гражданской. Если стоицизм делает акцент на долге, космическом разуме и служении общему порядку, то эпикуреизм сосредоточен на защите автономии частного субъекта, его праве на спокойствие и удаление от публичной суеты. Так, Цицерон, хотя и критически, но очень точно передает эту напряженность: для него эпикурейское благо слишком связано с удовольствием и недостаточно коррелирует с добродетелью как общественным действием [Cicero, 1965]. Таким образом, в римском мире эпикуреизм превращается в философию, конкурирующую не только с другими школами, но и с самой римской идеей гражданского долга.

Переход к Средневековью можно объяснить радикальной сменой метафизического горизонта. Хотя христианская мысль принимает часть античного наследия, эпикуреизм оказывается для нее особенно проблемным, т. к. он строится на натурализме, смертности души в ее земной связи и отказе от провиденциального управления миром. Для средневекового мышления же это означало угрозу не только морали, но и самой структуре миропонимания [Селларс, 2022]. Именно поэтому эпикурейцы в латинской традиции нередко становятся символом не философской школы, а образа человека, живущего лишь телесными удовольствиями. Августин, к примеру, выстраивает христианскую антитезу между земным наслаждением и истинным блаженством в Боге [van Oort, 1993].

Однако ошибочно считать, что Средневековье просто отвергло эпикуреизм; напротив, скорее, оно сохранило его как объект полемики и как скрытую интеллектуальную возможность. Во-первых, через Диогена Лаэртского, Цицерона и позднеантичные компиляции дошли ключевые сведения об учении Эпикура [Диоген Лаэртский, 1986]. Во-вторых, отдельные эпикурейские мотивы, в частности критика суеверия, интерес к природе, внимание к спокойствию души, продолжали жить в измененной форме в некоторых средневековых текстах, однако уже не как самостоятельная школа, но как фрагменты, встроенные в христианскую схему мира [Armstrong, 1967].

Философски эволюция эпикуреизма показывает важный переход: от античной этики счастья как внутренней свободы к средневековой этике спасения как отношения к трансцендентному благу. Если в античности эпикуреизм отвечал на вопрос, как жить без

страха, то в Средневековье этот вопрос был подчинен вопросу о том, как спастись: по этой причине эпикуреизм в средневековой культуре существовал в основном в отрицательной форме – как граница, на которой христианская философия определяла саму себя [Селларс, 2022, с. 50].

Таким образом, подводя итог нашей социально-философско-исторической справки, можно сказать, что путь эпикуреизма к римскому миру и Средневековью – это путь от философии освобождения через познание природы к культурному образу, который был одновременно сохранен, переосмыслен и осужден. Именно поэтому история эпикуреизма важна не только как история одной школы, но и как история трансформации самого понятия философии. В философской перспективе же эпикуреизм можно понимать не только как одну из школ эллинизма, но и как длительную традицию переосмысления человеческого счастья, природы и страха, а его переход к римскому миру и далее к Средневековью показывает, как философское учение меняет форму, сохраняя ядро, но теряя исходный культурный контекст.

Принципы и параллели Эпикуреизма в современном текучем мире

Философия Эпикура строилась на нескольких принципах. Рассмотрим каждый из них относительно процессов, характерных для современного текучего общества, применительно к эпохе цифрового шума.

Итак, первый принцип – это принцип атараксии. Одной из фундаментальных проблем современного человеческого существования становится состояние постоянной информационной перегрузки, при котором сознание оказывается включенным в режим непрерывной стимуляции, а внимание, в свою очередь, переходит в режим рассеяния и внешней детерминации. В этих условиях субъект все чаще утрачивает способность к внутренней сосредоточенности, а его психическая жизнь подчиняется логике перманентного отклика на раздражители извне. В подобном контексте принцип эпикуреизма *lathe biosas*, о котором речь шла выше, может быть переосмыслен не как буквальный уход из общества, а как некая форма экзистенциальной аскезы, направленной на ограничение избыточного информационного потока, практику цифрового детокса и отказ от демонстративной включенности в публичное пространство.

В цифровой культуре эта установка находит выражение в распространении таких моделей поведения, как *low-fi living* и «тихая роскошь» (*quiet luxury*)¹, особенно заметных в среде социальных сетей. Здесь речь идет о смещении акцента с демонстративного потребления и символической самопрезентации на ценность повседневного опыта, обретение внутреннего покоя, умиротворения и минимизацию публичной экспозиции. Все больше пользователей сознательно ограничивают время пребывания в сети, стремясь снизить уровень тревожности, возникающей из-за постоянного сравнения себя с другими, давления алгоритмической среды и навязанной необходимости быть постоянно видимым. Таким образом, подобная практика саморегуляции обнаруживает глубокое сходство с эпикурейским стремлением к апонии, т. е. к свободе от страдания, и к атараксии как состоянию душевной невозмутимости.

¹ Что такое *quiet luxury* (тихий люкс): тренд для малого и среднего бизнеса. (2025). [Электронный ресурс]. Плюсофон. 11 авг. URL: <https://plusofon.ru/articles/chto-takoye-tikhiy-lyuks-trend-dlya-zhurnalov-i-srednego-biznesa?ysclid=mp3oh3f64h469552895> (дата обращения: 15.07.2026).

Данная параллель получила свое философское обоснование в исследовании французского философа, публициста и писателя Люка Ферри «Жизнь в соответствии с разумом». Автор рассматривает эпикуреизм как одну из важнейших форм светской сотериологии, т. е. как учение о спасении человека без обращения к трансцендентному началу. Ферри пишет о том, что атараксия в эпикурейском понимании означает не просто отсутствие боли или беспокойства, а состояние, в котором *logos*, т. е. разумное начало, одерживает верх над иррациональными аффектами и воображаемыми угрозами [Ферри, 2018, с. 60-65]. В этом смысле эпикуреизм оказывается не только этикой удовольствия, но и своеобразной практикой рациональной терапии, направленной на освобождение субъекта от страхов, порожденных ложными мнениями, неким идеалом, который для современного глобального общества, перенасыщенного сообщениями о кризисах, катастрофах и рисках, приобретает значение не только философского ориентира, но и практической стратегии психологического выживания.

Проблема страха (перед богами, смертью и страданием) занимает особое место в этике эпикуреизма. Страх является важнейшим источником душевного расстройства, и потому рассматриваемое философское направление должно выполнять терапевтическую функцию, освобождая человека от разрушительных аффектов посредством истинного знания о природе вещей [Эпикур, 1983, с. 319-321]. Эпикуреизм предстает не как отвлеченная спекуляция, а как искусство жизни, направленное на исцеление души, в чем, собственно говоря, и заключается практический и экзистенциальный смысл. Ферри особенно подробно останавливается на тезисе о том, что «смерть не имеет к нам никакого отношения» [Там же, с. 318-320]. По мнению автора, в условиях секулярного мира, где религиозные формы утешения уже не обладают универсальной нормативной силой, этот аргумент приобретает новую актуальность, т. к. современный человек нуждается в рациональном способе преодоления тревоги перед будущим и конечностью существования [Ферри, 2018, с. 48-52]. Именно поэтому эпикурейская аргументация оказывается столь значимой для современного сознания, находящегося между материалистическим пониманием мира и потребностью в экзистенциальной опоре. В подобном ключе британско-американско-канадский философ Кэтрин Уилсон в книге «Как быть эпикурейцем», адаптируя атомистическую теорию к вызовам XXI в., показывает, что осознание атомарной природы реальности и принятие бренности человеческого существования позволяют переживать утрату и конечность жизни без экзистенциального ужаса [Wilson, 2019, pp. 240-245]. Рассматривая проблемы справедливости сквозь призму социального контракта, Уилсон подчеркивает, что для эпохи глобализации эпикурейское понимание политики как договора о ненападении и взаимной пользе является наиболее подходящей моделью, которая предполагает создание сообществ, основанных не на идеологической гомогенности, а на прагматическом консенсусе относительно безопасности и взаимного процветания [Ibid., pp. 205-210]. Для Уилсон эпикуреизм – это практическое руководство по демистификации повседневности, направленное на элиминацию иррациональных страхов и метафизических суеверий. Таким образом, физика и этика эпикуреизма образуют единую мировоззренческую конструкцию, в которой онтология служит основанием для душевной устойчивости.

В качестве, скажем так, своего рода сложного лекарства для души, которое состоит из 4 компонентов, а потому является «четверояким», в эпикурейской философии служит тетрафармакон – это достаточно лаконичная, но емкая терапевтическая формула,

содержание которой направлено на освобождение человека от главных источников экзистенциальной тревоги. Во-первых, не нужно бояться богов, поскольку божественное, согласно эпикурейскому учению, пребывает в состоянии совершенной блаженности и апатии, а потому не вмешивается в человеческую жизнь; страх перед божественным оказывается следствием ложного мнения, а не истинного знания. Во-вторых, не нужно бояться смерти, ибо смерть не имеет отношения к нашему опыту, поскольку пока мы существуем, смерти нет, а когда приходит смерть, уже нет нас; соответственно, смерть как *privatio sensus*, лишение ощущения, не может быть источником зла для субъекта. В-третьих, благо легко достижимо, т. к. природа человека ограничена, а подлинные потребности просты и естественны; следовательно, для счастья достаточно удовлетворения необходимых желаний, что исключает зависимость от излишеств и роскоши. И, наконец, страдание легко переносимо, потому что всякая боль либо кратковременна, либо умеренна; сильное страдание непродолжительно, а длительное – терпимо и не разрушает целостности души. Иными словами, тетрафармакон – это эпикурейская эвристическая и этическая формула, которая помогает человеку преодолеть страх, освободиться от суеверия и достичь эвдемонии, т. е. гармоничного, самодостаточного и разумно устроенного образа жизни [Ферри, 2018, с. 44-53].

Несмотря на то, что между античной философией и современной психологической культурой нельзя ставить знак тождества, их сближает стремление рационально перерабатывать страх, снижать страдание и укреплять субъективную устойчивость. В современном мире, где кризисы, технологические изменения, экологические риски, цифровой шум и ускорение времени порождают хроническую тревогу, практики самопомощи, медитации, психотерапии и когнитивно-поведенческой работы отчасти продолжают античную традицию управления аффектами и поиска внутреннего равновесия [Лешкевич, 2019, с. 203].

Связь эпикуреизма с современностью проявляется не только и не столько на уровне индивидуальной психической жизни, сколько в более широком социально-философском контексте. В античном полисе человек мыслился прежде всего как часть гражданской общины, а его идентичность определялась вовлеченностью и включенностью в коллективные формы жизни. Но эпикуреизм противопоставил этой модели идеал автономного субъекта, имеющего право на личное благополучие, независимое от политической активности и общественного признания, призывая к своеобразной «внутренней миграции», т. е. к отстранению от суетного социума и сосредоточению на состоянии душевного покоя [Асмус, 2001, с. 147]. В данном контексте просматривается ранняя форма философского индивидуализма и этики самодостаточности, где ценность внутренней гармонии оказывается выше внешних обязательств и публичных амбиций.

Эта тенденция получает новое развитие в условиях, когда глобализация, цифровизация и медиатизация радикально расширяют пространство выбора, позволяя человеку конструировать собственную идентичность, стиль жизни и систему ценностей [Гидденс, 2011, с. 89-92]. Однако эта свобода сопровождается ослаблением традиционных институтов социальной интеграции и усилением чувства экзистенциальной неустойчивости, т. е. эпикурейский акцент на личной ответственности за счастье, умеренности желаний, саморефлексии и выстраивании внутреннего пространства устойчивости оказывается удивительно созвучным современности.

Особое место в архитектонике эпикурейской этики занимает феномен *philia* – дружбы, рассматриваемый как важнейшее онтологическое условие эвдемонии и сотериологический инструмент. Современная динамичная социальная среда, которая характеризуется размыванием традиционных институтов солидарности, таких как нуклеарная семья или локальные общины, позволяет интерпретировать эпикурейскую концепцию «Сада» как пространства селективной социальности совершенно по-новому. В условиях глобализации и цифровизации, когда происходит парадоксальная трансформация коммуникативных сред, социальные сети и мессенджеры, зачастую способствующие фрагментации субъективности, одновременно выступают платформой для конституирования виртуальных «эпикурейских садов». Для Эпикура дружба представляла собой особую форму этической солидарности и интерсубъективной связи, базирующуюся на общности экзистенциальных установок и ценностной ориентации [Эпикур, 1983, с. 314-318]. В современной социальной философии этот аспект интерпретируется как стратегия преодоления отчуждения и экзистенциальной изоляции, порождаемых формальной связанностью глобального мира, как отдельного человека, так и сообществ, т. е. виртуализированные формы малых сообществ частично компенсируют дефицит аутентичного признания и эмоциональной поддержки в атомизированном обществе [Турчин, 2011, с. 76].

Эпикурейская аксиология основывается на строгой классификации потребностей, разделяющей их на три категории: естественные и необходимые, естественные, но не необходимые, а также вздорные или пустые желания. Иными словами, здесь мы будем рассуждать о разумном потреблении и «минимализме».

Строгая иерархия потребностей служит фундаментом для достижения атараксии. Напомним, что, по Эпикуру, природные и необходимые – это базовые потребности (например, еда, жилище, безопасность), удовлетворение которых избавляет от страданий и обеспечивает физическое и душевное благополучие. Естественные, но не необходимые – это изысканные блюда, предметы роскоши и другие вещи, которые разнообразят жизнь, но не снимают базовых потребностей и не работают на их удовлетворение и, следовательно, часто приводят к разочарованию и неудовлетворенности, поэтому необходимо сводить такие желания к минимуму. Заключительная категория в классификации потребностей – тщеславные и пустые, среди которых власть, статус, богатство, слава, т. е. те желания, которые не имеют предела и никогда не приносят истинного удовлетворения, порождают беспокойство и зависимость от внешних обстоятельств, и, следовательно, необходимо отказываться от подобного рода желаний.

Эпикур не отрицает гедонизма, но, согласно Эпикуру и его последователю Лукрецию, подлинный гедонизм заключается не в аккумуляции чувственных стимулов, а в апонии, т. е. отсутствии телесного страдания, и в преодолении душевного смятения [Эпикур, 2024]. Современные тренды на внутреннее равновесие и редукцию потребления являются рациональным ответом на агрессивный маркетинг, что методологически сближает их с классической аскетикой удовольствия [Ильин, 2000, с. 134].

Схожий вектор размышлений развивает Уилсон, применяя классификацию Эпикура к анализу психологического состояния субъекта в развитых странах. Она выдвигает тезис о том, что значительная часть современных депрессивных состояний и состояний аномии вызвана инвестированием психической энергии в «пустые» желания, диктуемые социальным престижем [Wilson, 2019, pp. 112-118]. Критическая оценка современного общества потребления в контексте эпикуреизма выявляет онтологический парадокс, который заключается в том, что материальная избыточность провоцирует рост экзистенциальной тревоги и перманентной фрустрации.

В свою очередь, Уильям Ирвин проводит сравнительный анализ античных практик, указывая на то, что способность к сознательному ограничению вожделений является необходимым условием психологической резистентности в мире, где управление желаниями стало ключевой технологией маркетингового воздействия [Irvine, 2008, p.192]. Таким образом, эпикурейское учение об умеренности трансформируется из узкофилософской доктрины в практическую методологию сохранения субъектности и достижения ментального здоровья в условиях глобальной потребительской культуры.

Таким образом, мы видим, что сегодня аксиология Эпикура, основанная на строгой классификации потребностей, по сути, позволяет:

- критически оценивать потребности, ведь, разделяя желания на категории, человек учится отличать подлинно важные от навязанных обществом или технологиями и сопротивляться манипулятивным практикам, включая те, что используют алгоритмы для создания ложных потребностей;
- бороться с алгоритмической зависимостью: так, понимая, что многие предложения алгоритмов (например, персонализированные рекомендации) относятся к категории «естественных, но не необходимых» или «тщеславных», человек может осознанно отказываться от них, сохраняя контроль над своим выбором;
- преодолевать тревожность, поскольку осознание того, что большинство «упущенных» возможностей связаны с тщеславными или избыточными желаниями. Таким образом, человек учится ценить то, что уже имеет, а не гоняться за иллюзорным «лучшим».

Эпикурейская модель малых сообществ как ресурс патриотического воспитания в цифровую эпоху

Эпикурейская модель малых сообществ, вполне вероятно, может представлять собой значимый философско-педагогический ресурс для осмысления патриотического воспитания в условиях цифровой эпохи. В античной традиции школа Эпикура, известная как «Сад», который более подробно рассматривался выше, была не только пространством интеллектуального общения, но и некой особой формой совместного бытия, в основании которой, повторимся, были такие аксиологически значимые опоры, как дружба, доверие, умеренность, взаимная поддержка, духовная автономия и стремление к внутренней устойчивости.

Как отмечает Диоген Лаэртский, Эпикур жил в тесном круге учеников и друзей, а его школа отличалась устойчивостью межличностных связей и особой привязанностью участников друг к другу [Диоген Лаэртский, 1986, с. 397-399]. В современном контексте эти принципы могут быть переосмыслены и интерпретированы как основание для формирования зрелой личности, способной к ответственному участию в жизни семьи, образовательного коллектива, локального сообщества, культурной среды и цифрового пространства.

Рассмотрим подробнее «Сад» Эпикура в социально-философском контексте как модель малой ценностной общности, в которой человек обретает не только знания, но и опыт совместной жизни. Подобная общность строится не на внешнем принуждении, а на добровольном участии, доверии, взаимном признании и разделяемом понимании блага. В отличие от массивных массовых форм социальной организации, малое сообщество может

обладать высокой степенью межличностной плотности: здесь ценности передаются не абстрактно, а через живое общение, непосредственную коммуникацию, поступок, пример, участие и совместную практику. Именно поэтому эпикурейская модель оказывается продуктивной для анализа патриотического воспитания, если понимать его не только как формальное усвоение набора деклараций, но как становление ценностно-ориентированной личности, осознающей свою связь с культурой, языком, исторической памятью, родным местом и ближайшим человеческим окружением. Для воспитания будущих поколений это особенно важно, поскольку чувство принадлежности к культуре и обществу формируется прежде всего в малых социальных пространствах: в семье, школьном классе, студенческой группе, кружке, волонтерском объединении, исследовательском проекте, творческом коллективе, локальном культурном сообществе и так далее. Именно в таких формах совместности и сопричастности молодой человек получает первый опыт доверия, ответственности, заботы о другом, уважения к старшим поколениям, участия в общем деле и осознания себя частью более широкого социального целого.

Данные положения коррелируют с современными официально-нормативными источниками, в которых патриотизм раскрывается прежде всего через категорию воспитания и гражданской ответственности. Например, в Конституции Российской Федерации подчеркивается, что государство создает условия для развития детей и воспитания в них соответствующих ценностных качеств: «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим»². Иными словами, патриотизм помещен в один ряд с гражданственностью и уважением к старшим, что позволяет рассматривать его не как изолированное чувство, а как элемент более широкой системы нравственного и социального становления личности.

Современная рецепция эпикуреизма, представленная в работе Ирвина «Радость жизни», концентрируется на управлении социальным окружением как на технике самосохранения, а «сад» интерпретируется как необходимость сознательной селекции и сокращения контактов. В современной цифровой среде эта тенденция снова находит свое отражение в таком феномене, как «цифровой детокс», где наблюдается приоритет глубинных диалогических связей над экстенсивным накоплением виртуальных знакомств, что напрямую коррелирует с сохранением ментальной резистентности субъекта [Irvine, 2008, pp. 192-198].

В социально-философском аспекте эпикурейская модель малых сообществ позволяет по-новому рассмотреть проблему социальной интеграции, т. к. современное общество характеризуется высокой степенью дифференциации, информационной мобильности и индивидуализации жизненных траекторий, а человек получает доступ к множеству цифровых коммуникаций, но при этом может испытывать дефицит устойчивой принадлежности, доверия и реального участия. Малое сообщество в такой ситуации выполняет функцию посредника между индивидом и большим обществом, помогая человеку не раствориться в обезличенных информационных потоках и одновременно не замкнуться в частной изоляции.

² Конституция Российской Федерации. ст. 67.1. ч. 4. (2020). [Электронный ресурс]. Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 15.06.2026).

В этом смысле патриотическое воспитание может быть понято как процесс включения личности в систему социально значимых связей, который начинается не с абстрактного отношения к большому социальному целому, а с конкретных форм ответственности: перед семьей, друзьями, учителями, соседями, малой родиной, языковой и культурной средой. Через данные малые формы принадлежности человек постепенно осваивает более сложные уровни социальной идентичности, а эпикурейский «Сад» в таком контексте выступает философским прообразом сообщества, где социальность строится не на принуждении, а на доверии, взаимной пользе, дружбе и разделяемом понимании достойной жизни.

Данная мысль находит свое отражение в эпикурейском понимании дружбы: «Из всего, что мудрость доставляет для счастья всей жизни, самое важное есть обладание дружбой» [Лукреций, 1947, с. 229]. Другими словами, дружба выступает не как частное чувство и не как случайная симпатия, а как фундаментальная форма человеческого бытия и является условием безопасности, доверия, устойчивости и нравственного развития, как ценность, соединяющая личное благо и благо сообщества, преодолевающая разрыв между индивидуальным и коллективным, поскольку человек достигает устойчивости не в изоляции, а через доверительные отношения с другими. В этом отношении эпикурейская этика оказывается весьма релевантной для современной философии воспитания: она показывает, что личностная автономия и социальная солидарность не противоречат друг другу. Напротив, зрелая личность формируется в такой общности, где уважение к индивидуальности сочетается с ответственностью перед другими. В патриотическо-педагогическом плане это позволяет рассматривать малое сообщество как пространство, где ценности усваиваются не в виде отвлеченных предписаний, а через личный опыт общения, взаимопомощи, совместного действия и морального соучастия.

Аксиологический потенциал эпикурейской модели заключается, прежде всего, в том, что она выдвигает на первый план качество человеческой жизни и качество человеческих связей. Для Эпикура благо не сводится к внешнему успеху, богатству, престижу или общественному признанию, но, скорее, связано с состоянием внутренней устойчивости, свободой от тревог, разумным выбором желаний, дружбой и способностью жить осмысленно, а удовольствие как цель жизни не означает безмерного наслаждения: «Когда мы говорим, что удовольствие есть конечная цель, то мы разумеем не удовольствия распутников и не удовольствия, заключающиеся в чувственном наслаждении, как думают некоторые, но свободу от телесных страданий и от душевных тревог» [Лукреций, 1947, с. 212]. Данный фрагмент демонстрирует, что эпикурейская этика имеет не потребительский, а нормативно-ценностный характер, ориентируя человека на меру, разумность, самодисциплину и внутреннюю свободу. Особую роль в контексте патриотического воспитания в данной модели играет эпикурейское понимание безопасности, так, в «Главных мыслях» Эпикур утверждает, что «безопасность среди ограниченных благ более всего достигается дружбой» [Материалисты Древней Греции ..., 1955, с. 224]. Эта мысль имеет важное социально-философское значение, поскольку безопасность понимается не только как внешняя защищенность, но и как состояние доверия, устойчивости и предсказуемости человеческих отношений. Для современной педагогики патриотизма это означает, что воспитательная среда должна быть не только информирующей, но и поддерживающей. Иными словами, представители молодого поколения нуждаются в пространстве, где они могут задавать вопросы, выражать сомнения, получать признание, участвовать в совместной деятельности и постепенно формировать собственную ценностную позицию. В рассматриваемом

измерении, т. е. аксиологическом, на современном уровне патриотизм представлен в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. В документе патриотизм мыслится не только как личное чувство, но и как общественная ценность, соотношенная с достоинством, правами человека, гражданственностью, служением Отечеству и ответственностью за его будущее, и включен в перечень традиционных российских духовно-нравственных ценностей: «К традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу...»³, которые созвучны идеям эпикуреизма.

Патриотизм может быть понят не только как эмоциональная привязанность к Родине, но и как система ценностных отношений: к людям, культуре, языку, природе, исторической памяти, труду, образовательной традиции и будущему своего общества. В этом смысле патриотическое воспитание предполагает формирование не внешней лояльности, а внутренней ценностной сопричастности, где человек становится носителем патриотического сознания тогда, когда воспринимает культуру не как набор сведений, а как пространство личной ответственности и смысловой принадлежности. В «Письме к Менекею» Эпикур связывает счастливую жизнь не только с понятиями дружбы и безопасности, но и с рассудительностью: «Начало всего этого и величайшее благо есть разумение; поэтому разумение дороже даже философии: от него произошли все остальные добродетели» [Лукреций, 1947, с. 213]. Таким образом, эпикурейская этика строится вокруг способности человека мыслить, различать полезное и вредное, необходимое и избыточное, устойчивое и случайное. В педагогике цифровой эпохи данный принцип может быть истолкован как необходимость формирования критического мышления, культуры диалога, ответственного отношения к информации и способности к нравственному самоопределению.

Поскольку современный молодой человек значительную часть жизни проводит в онлайн-среде, где формируются его взгляды, ценностные ориентации, коммуникативные привычки и представления о мире, малые сообщества приобретают новое значение в цифровую эпоху. Однако цифровая среда нередко характеризуется фрагментарностью общения, клиповостью мышления, ускоренным потреблением информации, зависимостью от внешнего одобрения, поверхностностью контактов и ослаблением устойчивых форм принадлежности. В этих условиях эпикурейская идея «Сада» может быть перенесена в цифровое пространство как модель безопасного, содержательного и ценностно ориентированного сообщества. Такой «цифровой сад» может стать значимой площадкой патриотического воспитания, если он будет направлен не на механическую трансляцию готовых формул, а на живое освоение культурной памяти, языка, истории родного края, семейных традиций, литературы, искусства, научного наследия и локального опыта. Принципиально важным здесь является диалоговый характер такого пространства, поскольку молодое поколение должно не только получать информацию, но и обсуждать ее, дискутировать, задавать вопросы, участвовать в проектах, создавать собственные тексты, медиаматериалы, исследовательские и культурные инициативы, обращаться к опыту старших поколений и видеть практический смысл изучаемых ценностей.

³ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». (2021). [Электронный ресурс]. Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 15.06.2026).

Не менее важным является и вопрос о том, каким образом аксиологическое измерение коррелирует с праксиологическим, т. е. каким образом ценности переходят в действие. Если аксиология отвечает на вопрос о том, что является значимым, то праксиология показывает, как значимое реализуется в практике. С этой точки зрения, патриотическое воспитание не может ограничиваться передачей знаний о культуре и истории и должно включать формы деятельности, в которых ценности становятся личным опытом: участие в локальных исследовательских проектах, сохранение семейной памяти, изучение истории родного города или села, забота о природной и культурной среде, волонтерские практики, наставничество, межпоколенческий диалог, создание цифровых архивов, образовательных медиапроектов и культурных карт памяти.

Праксиологический потенциал эпикурейской модели заключается именно в том, что она ориентирует не на внешнюю демонстративность, а на повседневную практику осмысленной жизни, обыденного бытия, опривыченного существования. Эпикурейская умеренность, забота о дружбе, стремление к спокойствию души и разумному выбору желаний могут быть переведены на язык современной философии педагогики как культура действия, основанная на мере, ответственности и устойчивости. Таким образом, для цифровой среды это означает развитие навыков информационной саморегуляции, критического мышления, этики онлайн-общения, способности к продуктивному диалогу и отказа от разрушительных коммуникативных практик. Судя по фрагменту из «Письма к Менекею», где Эпикур пишет: «Пусть никто в молодости не откладывает занятия философией, а в старости не устает заниматься философией» [Эпикур, 1983, с. 208], непрерывность духовного и нравственного становления человека является неизменной целью и предметом обсуждения на протяжении многих тысячелетий, которые не утратили своей актуальности и по сей день.

Не менее значимым в вопросах патриотического воспитания будущих поколений является эпикурейский принцип умеренности. В цифровой культуре, основанной на постоянном потоке впечатлений, сравнении, ускоренном обмене сообщениями и стремлении к видимости, нацеленности на достижение быстрых результатов без обдумывания стратегий и последствий, умеренность может быть интерпретирована как способность к цифровой гигиене, критическому восприятию информации и осознанному выбору содержания. Для патриотического воспитания это означает формирование не пассивного потребителя информационного контента, а ответственного субъекта культуры, который умеет отличать значимое от случайного, подлинное от поверхностного, подлинно культурную ценность от информационного шума. Эта идея раскрывается через рассуждение Эпикура о простоте жизни: «Привычка к простой и недорогой пище укрепляет здоровье, делает человека деятельным в необходимых жизненных делах и приводит нас в лучшее расположение духа» [Там же, с. 211]. В цифровую эпоху данный принцип может быть перенесен на сферу информационного поведения следующим образом: подобно тому, как телесная умеренность освобождает человека от зависимости от избыточных желаний, информационная умеренность освобождает сознание от рассеянности, тревожности и поверхностности, позволяя сосредоточиться на содержании, имеющем личностную, образовательную и культурную ценность. Однако, поскольку будущие поколения нуждаются не только в знаниях о культуре и истории, но и в психологической устойчивости, способности сохранять спокойствие, мыслить самостоятельно, не поддаваться манипулятивным воздействиям и критически относиться к цифровым потокам информации,

то и эпикурейская атараксия также может быть включена в философско-педагогическую логику патриотического воспитания. В таком контексте патриотическое воспитание связано с развитием внутренне свободной и зрелой личности, способной осознанно выбирать формы участия в жизни общества и культуры.

Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить, что эпикуреизм обладает значительно более выраженным социально-философским потенциалом, чем это обычно предполагается в традиционной истории философии. Хотя учение Эпикура нередко сводят к этике частного счастья, индивидуальной невозмутимости и уходу от общественной жизни, проведенный анализ показывает, что эпикурейский «Сад» с самого начала представлял собой не просто пространство личной духовной практики, но и особую модель социальности. Модель Эпикура в данной интерпретации выступает не только как терапия индивидуального сознания, но и как проект нормативно организованной малой коллективности, в которой внутренняя свобода человека достигается не в изоляции, а в пространстве устойчивых и осмысленных связей.

Прослеженная в работе историческая траектория – от античного полиса через римскую рецепцию к современному глобальному обществу – демонстрирует, что концептуальное ядро эпикурейского учения сохраняет устойчивость даже при существенном изменении культурных и институциональных условий и исторических форм рецепции. Принципы атараксии, апонии, разумной аскезы, демистификации страха, избирательной дружбы и умеренности обнаруживают высокую адаптивность и могут быть продуктивно интерпретированы применительно к современному социальному и цифровому опыту.

В контексте патриотического воспитания эпикурейская модель малых сообществ позволяет сместить акцент с абстрактной декларативности на реальные формы ценностного участия. Патриотизм в такой перспективе может быть осмыслен не только как эмоциональная привязанность к Родине, но и как ответственное отношение к людям, культуре, языку, исторической памяти, природе, локальному сообществу и будущему общества. Эпикурейские принципы дружбы, умеренности, разумности и внутренней устойчивости могут быть использованы как философско-педагогический ресурс, позволяющий формировать зрелую личность, способную к критическому мышлению, нравственному самоопределению и осмысленному участию в жизни своего сообщества.

В конечном счете эпикурейская этика может рассматриваться не только как стратегия индивидуального спасения, но и как проект новой социальности, основанной на рациональной автономии, осознанном выборе связей и этике заботы о себе и другом. В этом состоит ее непреходящая актуальность: она напоминает, что подлинное благо заключается не в количестве связей, впечатлений и приобретений, но в разумной мере, качестве отношений и способности жить свободно среди немногочисленного, но подлинно значимого.

Список литературы / References

- Асмус, В. Ф. (2001). *Античная философия*. 3-е изд. М.: Высшая школа. 400 с.
Asmus, V. F. (2001). *Ancient Philosophy*. 3rd ed. Moscow. 400 p. (In Russ.)

Гидденс, Э. (2011). *Последствия современности*. М.: Праксис. 343 с.

Giddens, A. (2011). *The Consequences of Modernity*. Moscow. 343 p. (In Russ.)

Диоген Лаэртский. (1986). *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. Пер. с древнегреч. М. Л. Гаспарова; под ред. А. Ф. Лосева. М.: Мысль. 570 с.

Diogenes Laertius. (1986). *Lives and Opinions of Eminent Philosophers*. Gasparov, M. L. (transl.). Losev, A. F. (ed.). Moscow. 570 p. (In Russ.)

Ильин В. И. (2000). *Поведение потребителей*. СПб. 223 с.

Ilyin, V. I. (2000). *Consumer Behavior*. St. Petersburg. 223 p. (In Russ.)

Лешкевич, Т. Г. (2019). *Философия науки*. М.: ИНФРА-М. 272 с.

Leshkevich, T. G. (2019). *Philosophy of Science*. Moscow. 272 p. (In Russ.)

Лукреций Кар, Тит. (1947). *О природе вещей. Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла*. М.; Л. 699 с.

Lucretius Carus, Titus. (1947). *On the Nature of Things. Articles, Commentaries, Fragments of Epicurus and Empedocles*. Moscow. Leningrad. 699 p. (In Russ.)

Материалисты Древней Греции: собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. (1955). Под ред. М. А. Дынника. М. 239 с.

Dynnik, M. A. (ed.). (1955). *Materialists of Ancient Greece: A Collection of Texts by Heraclitus, Democritus and Epicurus*. Moscow. 239 p. (In Russ.)

Селларс, Д. (2022). *Философия безмятежности. Тетрафармакос Эпикура: научно-популярное издание*. М.: Альпина нон-фикшн. 97 с.

Sellers, J. (2022). *The Philosophy of Tranquility: Epicurus' Tetrapharmakos: A Popular Science Edition*. Moscow. 97 p. (In Russ.)

Турчин, А. В. (2011). *Структура глобальной катастрофы: риски вымирания человечества в XXI веке: проект российского трансгуманистического движения*. М. 431 с.

Turchin, A. V. (2011). *The Structure of Global Catastrophe: Risks of Human Extinction in the 21st Century: A Project of the Russian Transhumanist Movement*. Moscow. 431 p. (In Russ.)

Ферри, Л. (2018). *Краткая история мысли. Трактат по философии для подрастающего поколения*. Пер. С. Рындин; под ред. А. Шестакова. М. 272 с.

Ferry, L. (2018). *A Brief History of Thought: A Philosophical Treatise for the Younger Generation* Ryndin, S. (transl.); Shestakov, A. (ed). Moscow. 272 p. (In Russ.)

Эпикур. (1983). Письмо к Менекею // *Тит Лукреций Кар. О природе вещей* / Пер. с латин. Ф. Петровского; вступ. ст. Т. Васильевой. М.: Художественная литература. С. 315-319.

Epicurus. (1983). Letter to Menoeceus. In *Titus Lucretius Car. On the Nature of Things*. Moscow. Pp. 315-319. (In Russ.)

Эпикур. (2024). *Главные мысли. С комментариями и иллюстрациями*. М. 224 с.

Epicurus. (2024). *Principal Doctrines: With Commentaries and Illustrations*. Moscow. 224 p. (In Russ.)

Armstrong, A. H. (1967). *The Cambridge History of Later Greek and Early Medieval Philosophy*. Cambridge University Press.

Cicero, M. T. (1965). *De finibus Bonorum et malorum libri*. Hildesheim. Georg Olms.

Irvine, W. B. (2008). *A Guide to the Good Life: The Ancient Art of Stoic Joy*. Oxford University Press.

Themelis, G., Friar, K. (1973). *De Rerum Natura*. Boundary 2. A Special Issue on Contemporary Greek Writing. Vol. 1. No. 2. 456 p.

van Oort, J. (1993). Augustine's Letters to Firmus (1A* and 2*) and the Purpose of the *De civitate Dei*. In Livingstone, E. (ed.). *Studia Patristica XXVII*. Oxford-Leuven. Pp. 417-423.

Wilson, K. (2019.) *How to Be an Epicurean: The Ancient Art of Living Well*. New York. NY Basic Books. 304 p.

Сведения об авторе / Information about the author

Нетесова Мария Витальевна – кандидат философских наук, старший преподаватель Отделения социально-гуманитарных наук Школы общественных наук Томского политехнического университета, г. Томск, пр. Ленина, 30, e-mail: netesova@tpu.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7952-5763>.

Статья поступила в редакцию: 12.08.2026

После доработки: 02.09.2026

Принята к публикации: 10.09.2026

Netesova Maria – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Teacher of Department of Social Sciences and Humanities of the School of Social Sciences, Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Lenin Ave., 30, e-mail: netesova@tpu.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7952-5763>.

The paper was submitted: 12.08.2026

Received after reworking: 02.09.2026

Accepted for publication: 10.09.2026